

Телевидение в условиях перехода к постмодернистскому обществу

Брун О. Е.

В статье автор рассматривает, что представляет собой телевидение современного общества, переходящего в состояние постмодерна под влиянием усложняющейся социокультурной динамики. Показывается, как социологи исследуют постоянно изменяющиеся условия функционирования телевидения, какой они используют теоретико-методологический инструментарий. Конкретно рассматриваются социологические подходы к исследованию телевидения, используемые представителями структурализма, постструктурализма и социологического постмодернизма.

Телевидение развивается в общем контексте усложняющейся социокультурной динамики современного общества, которое развивается от модерна через радикальный/рефлексивный модерн (Э. Гидденс) и далее к постмодерну. Соответственно, изменяются явные и латентные функции телевидения, производимый им дискурс. Оно все более превращается из средства передачи информации в весьма важный смыслопроизводящий институт, состоящий из разных акторов, которые в совокупности вносят существенный вклад в конструирование социальной реальности. «Мало-помалу, — замечает французский социолог П. Бурдьё, телевидение, которое по идее является инструментом отображения реальности¹, превращается в инструмент создания реальности»².

Телевизионные акторы очень разные по характеру производимой информации, в силу чего телевидение оказывает неоднозначное, амбивалентное влияние на общественное сознание: среди акторов есть те, кто стремится к расширению информированности телезрителей, их культурной социализации, но определенная часть из них, преследуя прежде всего прагматические цели, побуждает к принятию заданного экономического или политического поведения, навязывает определенные модели жизнедеятельности, которые могут быть дисфункциональны для индивида и общества. Это связано с производством противоречивых социальных смыслов, их неоднозначного влияния на сознание людей, особенно молодежи, имеющей ограниченный опыт социализации. Отнюдь не случайно, государственные органы Российской Федерации

пытались неоднократно регулировать воздействие телевидения на общественное сознание, в частности, с помощью законов о средствах массовой информации. Даже в первом приближении становится ясно, что исследование дискурса телевидения, особенно в контексте его усложняющейся динамики, является актуальной и теоретической, и практической проблемой. Дело в том, что современное телевидение все более и более основывается на интертекстуальности — оно не столько отражает и освещает события, сколько фокусируется на текстах в их отношении к другим текстам. Этим обусловлены новые вызовы, с которыми столкнулись и ученые-социологи, и общество: резко возросло количество интерпретаций текстов, что ставит телезрителей перед нелегким выбором, какой же из этих интерпретаций отдать предпочтение и почему. Это ведет к подрыву референтов, концу «единственной истины», которая, по существу, вытесняется многообразными, специфическими интерпретациями, некоторые из которых несут в себе и манипулятивные компоненты. Кроме того, все более возрастает роль виртуальной реальности, в которой доминируют коды сигнификации (значимости) и практически нет какой-либо системы референции, кроме тех же кодов. В условиях отсутствия общей системы знания, соревновательности не только жизненно важных идей, но и кодов сигнификации телевидение становится фактором производства «кентавризмов», способствуя формированию парадоксального человека³. Сталкиваясь с несовместимыми ранее культурными артефактами, оно производит риски ценностных конфликтов, испытывает

Брун Ольга Евгеньевна — аспирантка кафедры социологии.

на прочность идеалы, усвоенные в ходе социализации. Благодаря телевидению, через посредничество знаковых кодов мы регулярно контактируем с людьми, которые живут и думают иначе, чем мы. В результате при переходе к постмодернистскому обществу люди все более утрачивают прежнюю ценностную интеграцию. Яркий пример тому — передача «Пусть говорят», по существу, основанная на парадоксах мышления и поведения россиян. Вместе с тем, телевидение может конструировать общезначимые ситуации, через которые уже формируются достаточно долгоживущие политические, культурные и даже модные вкусы и пристрастия (передача «Модный приговор»). В итоге, телезрители становятся опосредованными знаками и кодами сигнификации, сегментируются и интегрируются по характеру потребляемых знаков (весьма примечательно, что Первый и другие каналы создали циклы передач, посвященные 65-летию победы над фашистской Германией, что, несомненно, работает на сплочение нации).

Как же с этими и другими вызовами телевидения справляются социологи? Какой инструментарий ими используется для анализа усложняющихся коммуникационных реалий? Одними из первых успешные попытки в этом направлении осуществили представители структурализма, а затем и постструктурализма в рамках лингвистического поворота, результатом чего стало появление новых подходов к исследованию коммуникаций вообще и телевидения в особенности. Они оказались особенно востребованными сегодня, когда до сих пор остаются мало исследованными функции телевидения в условиях увеличения парадоксов в общественном сознании россиян, входящим в жизнь общества постмодерна.

Структурализм: символический инструментарий телевидения

Структурализм заявил о себе в европейской социальной мысли начала XX в. Основоположник структурной лингвистики швейцарский теоретик Фердинанд де Соссюр в работе «Курс общей лингвистики» (1916 г.) поднял фундаментальный вопрос онтологии языка — что представляет собой язык как знаковая система по отношению к реальным вещам? Существует ли устойчивая, онтологически обусловленная связь между означающим (знаком) и означаемым (вещью), или же она является произвольной? Фактически Соссюр исследует давний спор об универсалиях, берущий начало с полемики Сократа, а затем Платона против софистов.

В рамках этой же проблематики, но рассматривая ее шире и глубже (проводя анализ знаков языка), Соссюр развивает идеи онтологии языка. С его точки зрения в основе функционирования языка лежит различие между звуками и буквами, а не какая-либо онтологическая связь с миром вещей. Подобное понимание природы языка означало полный отрыв знака (означающего, слова) от референта (означаемого,

предмета) и, фактически, сводило все философские и этические споры и поиски истины, так волновавшие умы интеллектуалов всего мира в разные временные эпохи, к «языковым играм».

Человек живет в мире знаков, им произвольно употребляемых и трактуемых. По Соссюру, знак имеет двойственную природу: является объектом, представляющим не самого себя, а некое *обозначающее*, т.е. некий реальный объект, процесс или явление действительности, и *обозначаемое* — тот смысл, который вкладывается в него при интерпретации. Знак, таким образом, обязательно предполагает контекст восприятия и потому связан с той или иной культурой, которая выступает детерминирующим фактором конструирования социальных реалий, включая реалии виртуальные.

Идеи Соссюра получили логическое продолжение в исследованиях Ч.С. Пирса, одного из основоположников современной семиотики, предложившего следующую классификацию знаков по способу отношения к реальности и по способам ее интерпретации: 1) *знаки-копии* (иконические знаки), обозначающие реальные объекты по принципу сходства. Так, показанное по телевидению изображение московского кремля может интерпретироваться по смыслу как символ российской государственности, имеющей глубокие исторические корни; 2) *знаки-индексы*, связанные с реальными объектами причинными связями; 3) *знаки-символы*, обозначающие объект через культурный контекст. Все знаки культурно обусловлены. Даже выражение траура различно: в европейской культуре его символизирует черный цвет, а в китайской — белый. Любая культура представляет собой сложную символику, состоящую из символов языка, телодвижений, жестов. Не случайно, американский социолог Дж.Г. Мид определил суть человека как животного, создающего «символические инструменты», дающие контроль над всеми другими существами. В свете этих суждений современные специалисты по коммуникациям исходят из того, что эффективность телевидения определяется прежде всего символическим инструментарием, его способностью комбинирования знаков-копий со знаками-индексами и знаками-символами, а также сочетания различных кодов при передаче информации. Среди конкретных компонентов символического инструментария, в частности, специалисты отмечают: используемый жанр; работу камеры (размер съемочного кадра, движение объектива, движение камеры, угол съемки и т.д.); монтаж (вырезка, переход одного изображения в другое, ритм); манипулирование со временем («сжатие», «обратный кадр», ретроспекция, замедленная съемка); освещение; цвет; звук; графика и стиль повествования⁴. В сочетании друг с другом они позволяют влиять на эмоции, мышление и поведенческие практики людей, что прекрасно показал наш исследователь Ю.М. Лотман, обосновавший теорию *семиосферы* как целостной системы, включающей различные структуры с собственными языками и кодами, что весьма важно для

анализа телевидения, которое одновременно использует несколько языков кодирования, включая визуальные, вербальные, звуковые и другие коды, комплексно воздействуя на телеаудиторию⁵.

Идеи Ф. де Соссюра, Ч.С. Пирса, Ю.М. Лотмана, представителей символического интеракционизма получили развитие в *социо семиологии*, ставшей весьма популярной в России и за рубежом. Исследованию особенностей телевидения как агента символического производства в рамках парадигмы социо семиологии посвящены работы французского социолога Р. Барта по социальным коммуникациям в контексте моды, рекламы, мифов, рассматривая их как «вторичную семиотическую систему», основанную на знаках первичной языковой системы⁶, а также отечественных исследователей, разрабатывающих оригинальные подходы к исследованию СМК и телевидения, их проблем — Т.З. Адамьянц, Т.М. Дридзе, В.А. Шиловой⁷ и др. В частности, Т.М. Дридзе исследовала «коммуникативные сбои»⁸.

Постструктурализм: лингвистический поворот

Идеи структурализма, особенно социо семиологии, обрели качественно новое содержание в постструктурализме Жака Дерриды, Мишеля Фуко, Жили Делеза, а также в рефлексивной социологии Пьера Бурдьё и др., осуществивших так называемый *лингвистический поворот*. В самом общем виде под лингвистическим поворотом понимается научный подход исследования социума, предполагавший акцентирование исследованиям релятивности смысла одних и тех же языковых знаков в контексте включения инструментария герменевтики в социологическую науку, что предполагало переход от позитивистского монизма, евроцентризма к многозначной и релятивистской трактовке социальной реальности, которая имеет не только объективное основание, но и социально конструируется. При этом социум стал интерпретироваться как *текст*, который понимается как связная последовательность знаков, обозначающих *модель реальности*, выражающих принципиальную открытость ее смысла, исходя из отсутствия референтов. Передаваемое от коммуникатора к коммуниканту сообщение также представляет собой текст, который может передаваться любыми знаками — устная или письменная речь, графика, музыка и любые звуки, жесты и т.д., а также комбинации различных знаковых систем⁹.

Подчеркнем, главнейшим теоретико-методологическим принципом постструктурализм провозглашает тотальный *релятивизм*. Любые претендующие на универсальность (истинность) объяснительные схемы трактуются его представителями как «догматизм», абсолютизация разного рода детерминизмов, которым противопоставляется *неодетерминизм* — методологический подход, предполагающий отказ от линейности эволюционного развития, принудительной каузальности, взамен чего предлагается методо-

логия, основанная на случайности и необратимости¹⁰. Отсюда проистекает приверженность его представителей ко всему нестабильному, противоречивому, фрагментарному и случайному.

Ярким представителем постструктурализма является Ж. Деррида, создавший *грамматологию* как неодетерминистскую теорию развития социума. Подвергая критике сторонников традиционного детерминизма, ученый, в частности, полемически замечает: «Какой пример? Вот этот. Несомненно, говоря «вот этот», я уже говорю больше и нечто другое, я говорю нечто, что выходит за рамки *tote ti*, данности этого примера. Сам пример в качестве такового выходит за рамки своей единичности в той же степени, что и своей идентичности. Вот почему примера нет, хотя и существует лишь это; безусловно, я слишком часто на этом настаивал, приводя различные примеры. Показательность примера, несомненно, никогда не является его образцовостью»¹¹.

Деррида начинает неодетерминистскую интерпретацию социальных коммуникаций с критики «означающего», развивая соссюровские идеи в том направлении, что любая попытка увидеть за знаками языка осмысленный текст есть не что иное, как «навязывание смысла» — симптом европейской культурной традиции и классического рационализма, предполагающего «единственную истину» явления. Впоследствии Деррида переходит к масштабной критике наиболее влиятельных идеологов (т.е. элемента идеологической системы) современности, начиная с Просвещения, Разума, Прогресса, Науки, Социального благополучия, осуществляя их последовательное развенчание, «деконструкцию», распространяемую затем на ценности Справедливости, Добра, Счастья в традиционном их понимании. Деррида им противопоставляет след как универсальную форму не-наличия. По его мнению, в современном динамичном обществе следы обозначают «прослеживание и стирание» событий, жизненных стилей, деятельности авторитетов. Именно через следы, которые существуют «сами по себе, вне текста», осуществляется *различание* социальных реалий современного усложняющегося мира¹².

Пожалуй, наиболее яркой фигурой постструктурализма является Мишель Фуко, сделавший главной темой исследований анализ взаимоотношений языка, знания и власти. Как считает французский социальный теоретик, они неразрывны: динамика знания непосредственно влияет на изменения характера власти, что выражается посредством языка, изменения норм дискурса. Существующие в языке конкретные символы и имена, по существу, выступают главным фактором образования институциональных структур¹³. На этом основании им обосновывается идея поэтапной «смены эпистем» в истории человеческой цивилизации: каждому историческому периоду соответствует особая эпистема — общее смысловое поле, объединяющее дискурсы различных типов знания, включая и характерную систему мышления. В рамках эпистемы

происходит установление критериев истинного и ложного, нормального и патологического, правильного и неправильного. Таким образом, любые критерии, определяющие реальность, любые нормативные ограничения, имеющие дискурсивную природу, *релятивны* — они периодически пересматриваются по мере замены доминирующей эпистемы другой. Вместе с тем, дискурсивные практики являются относительно стабильными, долгоживущими реалиями, по которым можно изучать современное динамичное общество.

Постмодернистские подходы к телевидению

Многие современные социологи считают, что последствия усложняющейся социокультурной динамики таковы, что радикальный/рефлексивный модерн фактически сменяется постмодерном. Его уже все труднее стало интерпретировать с помощью постструктуралистских теорий. Так, известный английский социолог Э. Гидденс называет следующие черты постмодерна:

1. изменения бытия происходят в контексте разрывов в познании;
2. социальные трансформации обретают центростремительный и беспорядочный характер;
3. личность индивида подвергается разрывам, расчлененности в результате того, что жизненный опыт носит фрагментарный характер;
4. истина обретает контекстуальный характер;
5. ощущается теоретическая беспомощность перед лицом глобализирующихся тенденций;
6. возникает «опустошение» повседневной жизни как результат вторжения в нее абстрактных систем;
7. координация политических усилий лишена благоприятных возможностей из-за возрастания роли локального фактора и дисперсии¹⁴.

В связи с этим стали постепенно вырабатываться новые теоретико-методологические подходы к анализу постмодернистского общества и характерных для него коммуникационных практик. У постмодернистских теорий появляется своя особая методология. К ее наиболее характерным чертам относится следующее: интегральное использование каналов познания других социальных и гуманитарных наук, а также наук естественных, у которых заимствуются и отдельные термины, и даже концепции, которые в дальнейшем наполняются собственно социологическим содержанием; классический логоцентризм, детерминизм и рационализм вытесняются новыми понятиями, имеющими отношение к релятивизму, самоорганизации, виртуальной реальности; мужское и женское видение социума, их теоретизирования стали практически в равной степени валидными для методологии социологического постмодернизма; является творением не отдельно взятой социологической школы, а совокупным достижением мировой социологической мысли, включая незападные парадигмы; предполагает широкое включение в себя методологии социальной

синергетики, эффективной для интерпретации нелинейного развития и самоорганизации социума¹⁵. Об этом в силу значимости следует сказать особо.

Ярким представителем социологического постмодернизма является французский социальный теоретик Жан Бодрийяр, который разрабатывает новейшие подходы к исследованию современного телевидения. Исходной посылкой ученого является убеждение в том, что «принцип симуляции правит нами сегодня вместо прежнего принципа реальности». То, что современные люди потребляют, являются не столько предметами, сколько знаками, обусловленными кодами сигнификации. Причем знаки уже указывают не на вещи, а на другие знаки. Ранее существовавшая в традиционном и даже индустриальном обществе соотнесенность вещей и знаков практически утрачивается.

В этот процесс особый вклад вносит телевидение, которое через производство и распространение ценностей-знаков создает особую виртуальную реальность. В постмодернистском обществе для многих людей она может быть более реальна, чем объективная реальность. В виртуальной реальности существуют свои «ценности» — современные фетиши, сформированные посредством кодов сигнификации: «Современный фетишизм предмета, — замечает Ж. Бодрийяр, — связывается с предметом-знаком, лишенным своей субстанции и своей истории, сведенным к состоянию простой меты некоего различия»¹⁶. Через коды сигнификации телевидение контролирует социальные отношения, формируя вкусы и пристрастия. Фетишизируются практически все сферы реальной жизни. «Сегодня можно увидеть, как этот фетишизм эксплуатируется на предельно эмпирическом уровне в виде некой суммы: фетишизм предметов, фетишизм автомобиля, фетишизм секса, фетишизм каникул и т.д.»¹⁷ Даже красота не избежала фетишизации. Знаки в определенном сочетании друг с другом способны сформировать коды красоты, являющейся «самой Анти-природой»: «Соблазняет в ней знак, мета (макияж, просчитанная симметрия или асимметрия и т.п.), то есть предметом желания становится артефакт»¹⁸. Как это ни прискорбно, но классические идеалы и нормы красоты «отмирают», стираются различия между китчем и высоким искусством. И вклад в этот процесс вносит телевизионная реклама. «Телереклама, прерывающая фильмы, которые идут по ТВ, конечно, бесцеремонна, но она всего лишь трезво подчеркивает, что большая часть телевизионной продукции никогда не достигает «эстетического уровня», и что эти фильмы, в сущности, явления того же порядка, что и сама реклама. Большинство фильмов, и притом не самых худших, созданы все из того же романа повседневности: машины, телефон, психология, макияж — все это просто-напросто иллюстрирует образ жизни. Также реклама: она канонизирует образ жизни посредством изображения, превращая его в настоящую интегральную микросхему»¹⁹.

Новые функции телевидения — производство знаков, обусловленных кодами сигнификации, — радикально изменяют всю нашу жизнь. Если К. Маркс, как известно, основой жизнедеятельности общества считал экономический обмен, то ныне возникает и утверждается *символический обмен*. Ценности-знаки начинают людям диктовать, что следует потреблять и считать авторитетом. Как считает Бодрийяр, чтобы превратиться в предмет потребления, предмет изначально должен стать знаком. Этот эффект получил название эмансипации знака или *симуляции*. Постмодерн предполагает торжество *симулякров*, которые доминируют в современных общественных отношениях, и современные масс-медиа, особенно телевидение, практически тотально манипулируют симулякрами, создавая самодостаточную «гиперреальность».

Более того, всемирную историю социолог пытается интерпретировать как историю зарождения, производства и торжества симулякров. Он выделяет три типа симулякров: «Со времен эпохи Возрождения, — отмечает он, — параллельно изменениям закона ценности, последовательно сменились три порядка симулякров:

1. *подделка* составляет господствующий тип «классической» эпохи, от Возрождения до промышленной революции;
2. *производство* составляет господствующий тип промышленной эпохи;
3. *симуляция* составляет господствующий тип нынешней фазы, регулируемой кодом»²⁰.

Несомненно, производимые телевидением симуляции и симулякры подрывают традиционное видение культурных, экономических, политических реалий, к которым мы так привыкли. Если раньше значимость чего-либо или авторитет определялись через реальные отличия, то теперь различие берет свое начало в кодах сигнификации, притом, что отсутствует некий метакод как аналог авторитета. Соответственно, существовавшие ранее достаточно автономные области теперь радикально трансформируются, проникают друг в друга и взрывают принятые ранее границы и различия.

С этой точки зрения не может быть оригинальной, первичной реальности, имидж которой воспроизводится на экранах миллионов телевизоров. Так, мы помним Маргарет Тэтчер, улыбающуюся телевизионным камерам и отдающую на ходу распоряжения перед микрофоном по пути от вертолета к ожидающему ее автомобилю — все это не фрагмент реальности, а ценностный знак, который транслируется на наши телевизионные экраны. Она, Тэтчер, есть, по существу, особый знак как таковой, сформированный кодами сигнификации. Ее прическа, например, не является элементом, «предшествующим» ее телевизионному имиджу. Видение этой прически «по-настоящему» является не более достоверным опытом, чем видение этого на экране. Улыбка, прическа, замечание не были бы здесь, если бы не было телекамер и телезрителей.

Используя понятия без четких границ (ценности-знаки, симулякры, гиперреальность и т.д.) Бодрийяр пытается интерпретировать ключевую характеристику постмодернистской эры — наша «текущая современность» (З. Бауман²¹) насыщена искусственно созданными знаками-образами. И в этих условиях становится очевидным качественное различие современности по сравнению с предшествующей эпохой. За один час просмотра телеэфира современный зритель может познать, «пережить» такое количество образов, какое человек традиционного и даже индустриального общества не смог бы познать в течение всей своей жизни. Количественные различия оказываются столь большими, что обретают новое качество: мы не просто познаем большее количество образов, но мы живем в абсолютно других отношениях между телеобразом и реальным социальным опытом. По существу, мы живем в период развития человеческой цивилизации, когда стираются отличия между образом и другими формами социального опыта.

Так, большинство американских городов характеризуются Бодрийяром, как «социальная пустыня»²². «Нью-Йорк, — продолжает он, — не реальный, а гиперреальный город. Бывая здесь в первый или в миллионный раз, мы не находим *аутентичной реальности*. Нью-Йорк являет собой собственный имидж-симулякр на экранах телевизоров и кинотеатров, на календарях и «растяжках», на майках и кофейных кружках, видимый из окон автобуса. Прогулка по Бродвею не приносит опыта отличного от наслаждения при просмотре ее телевизионного воплощения». В условиях постмодерна имидж-симулякр не может контролироваться ни посредством реальности, ни посредством какой-либо идеологии.

Потеря как «реальности», так и «идеологии» в качестве оснований имиджей-симулякров логически ведет к абсолютизации *фрагментации* опыта и его образов. Культура постмодерна, по существу, является фрагментарной. Фрагменты оказываются собранными вместе в случайном, *хаотичном* порядке, а не организованы по какому-либо принципу. Соответственно, современное телевидение основывается на *культуре фрагмента*. Определяется это природой телевизионного сообщения, где последовательный поток состоит из относительно дискретных «сегментов». Телевизионная камера или микрофон не фиксируют *совокупную* реальность, а кодируют ее посредством следующих друг за другом фрагментов реальности, что придает реальности особый смысл, который может быть экономически или политически заданным. В итоге происходит обозначение того, что претендует на истину, лишь в *определенном контексте* реальности. Тем самым скрывается тот факт, что любая «истина», транслируемая масс-медиа, является совокупностью имиджей-симулякров, а не реальностью. Телевидение, таким образом, воспроизводит не объективную реальность, а реальность кодированную тем или иным образом.

Сам Бодрийяр, как и многие другие исследователи постмодерна, критически относится к нарождающимся реалиям, их влиянию на судьбы человечества. Но как нам видится, ситуация не безнадежна. Эти новые формы отчуждения были созданы людьми и при наличии определенной политической воли могут быть изменены. Телевидение может быть переориентировано на производство гуманных ценностей-знаков. Полагаем, нужно начать с активного производства образовательных программ для молодежи, которые практически исчезли с телеэкранов. Кроме того, телевизионный дискурс может быть переориентирован со сцен насилия на реанимацию ценностей

здорового образа жизни, труда, семьи, которые имеют глубинные корни в российской культуре.

Summary: *In the article the author analyzes the television of modern society passing into the postmodern stage under the influence of sociocultural dynamics that is becoming more and more complicated. It is shown how the sociologists investigate the constantly changing conditions of functioning TV, what theoretical and methodological instruments they use. The author analyzes the sociological approaches to the investigation of TV, used by the representatives of structuralism, poststructuralism and sociological postmodernism.*

Ключевые слова:

масс-медиа, телевидение, социокультурная динамика, рефлексивность, лингвистический поворот, структурализм, постструктурализм, постмодернизм, динамика социальных смыслов, перекодирование.

Keywords:

mass-media, television, sociocultural dynamics, reflexivity, linguistic turn, structuralism, poststructuralism, postmodernism, the dynamics of social meanings, recording.

1. См.: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. — М.: Издательство «Медум», 1995.
2. Бурдые П. О телевидении и журналистике. — М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», Институт экспериментальной социологии, 2002. — С. 35.
3. См.: Тощенко Ж.Т. Парадоксальный человек: монография — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008.
4. См.: Назаров М.М. Массовая коммуникация и общество. Введение в теорию исследования. — М.: Аванти плюс, 2004. — С. 76.
5. См.: Лотман Ю.М. О семиосфере — Ю.М. Лотман. Избранные статьи в трех томах. Т. I. — Таллинн, «Александра», 1992.
6. Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры. — М.: Изд-во имени Сабашниковых, 2004.
7. Адамьянц Т.З. От виртуального экранного образа — к «картине мира» телезрителей // Социальная коммуникация и социальное управление в эоантропоцентрической и семиосоциопсихологической парадигмах. Кн. 1. — М.: ИС РАН, 2000; Адамьянц Т.З., Шилова В.А. В поисках телезрительских симпатий. — М.: ИС РАН, 2004; Дридзе Т.М. Две новые парадигмы для социального познания и социальной практики // Социальная коммуникация и социальное управление в эоантропоцентрической и семиосоциопсихологической парадигмах. Кн. 1. — М.: ИС РАН, 2000; ее же. От герменевтики к семиосоциопсихологии: от творческого толкования текста к пониманию коммуникативной интенции автора // Социальная коммуникация и социальное управление в эоантропоцентрической и семиосоциопсихологической парадигмах. Кн. 1. — М.: ИС РАН, 2000.
8. Дридзе Т.М. Социальная коммуникация как текстовая деятельность в семиосоциопсихологии // Общественные науки и современность, 1996, № 3.
9. См.: Кравченко С.А. Социологический постмодернизм: теоретические источники, концепции, словарь терминов. — М.: МГИМО, 2010. — С. 114, 232.
10. См.: Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. — М.: Эдиториал УРСС, 2001.
11. Деррида Ж. Страсти // Socio-Logos'96. Альманах Российско-французского центра социологических исследований Российской АН. М.: Socio-Logos'96, 1996. — С. 274
12. Дерида Ж. Различение. — Жак Дерида. Письмо и различие. — Академический проект, Санкт-Петербург, 2000. — С. 386.
13. См.: Фуко М. Власть и знание. — В кн.: М. Фуко. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. — М.: Праксис, 2002.
14. См.: Giddens .A. The Consequences of Modernity. — Cambridge: Polity Press, 1990. — P. 150.
15. См.: Кравченко С.А. Социологический постмодернизм... С. 163–164.
16. Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. — М.: Библион-Русская книга, 2003. — С. 90.
17. Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. — 85.
18. Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. — С. 91–92.
19. Бодрийяр Ж. Америка. — СПб.: Владимир Даль, 2000. — С. 179–180.
20. Бодрийяр Жан. Символический обмен и смерть. — М.: Добросвет, 2000. — С.113.
21. См.: Бауман З. Текучая современность. — М., СПб.: Питер, 2008.
22. Baudrillard J. America, London: Verso, 1989. — P. 99